
Мать влепила Юльке пощечину. Та ответила. Слезы. Юлька обула кроссовки, схватила куртку и хлопнула входной дверью. На лестнице встретился отец. Она пробежала мимо, даже не взглянув на него. Он ничего не сказал, лишь с укоризной посмотрел ей вслед. На улице Юлька закурила, достала из кармана джинс плеер, вставила наушники.

Будто я — египтянин...

«К черту, к черту, к черту вас всех, интеллигенты доморощенные! К черту!»

Пройдя два дома, Юлька зашла в подъезд третьего, поднялась на пятый этаж

по пахнувшей мочой лестнице, позвонила в квартиру с обшарпанной, обитой дерматином дверью. Долго никто не открывал. Наконец послышались шаги, дверь распахнулась. На пороге стояла Лера, явно спронеся, зевала, поправляла спутанные волосы.

— Заходи.

— Ты одна?

— Мать на сутках. Чай будешь?

— Буду.

Долго пили чай, бессмысленно щелкали по каналам телевизора.

— Надоели эти политиканы, отожрались и давай вещать, — Лера нажала на кнопку выключения.

— Пойдем куда-нибудь? — Юльке не сиделось, хотелось куда-то идти, что-то делать, хотелось быть занятой. Ссора с матерью не шла из головы. Юлька злилась, чувствовала себя ненужной дома, лишней здесь. Вообще последние месяцы все чаще казалось ей, что она застряла в безвременье: один день был неотличим от предыдущего, люди становились похожими на негативы, ощущения сводились к «хочу есть», «хочу спать».

— Куда идти-то? Холодно, — вздохнула Лера, глянув в окно, коснулась пальцами кромки льда намерзшей около рамы, провела по губам, — холодно, — повторила.

— Скоро новый год, — Юлька вздохнула и как будто в тему выдохнула, — может Витьке позвоним?

— Юль, — протянула Лера, — опять что ль? Никак не выбросишь его из головы?

— Да я так просто. Есть курить?

— На. Давай позвоним, все равно делать нечего, — Лера придвинула к себе телефон, набрала номер, улыбалась, поглядывая на подругу.

Витька смыл кровь, попил холодной воды из-под крана, замотал полотенцем саднящую руку. Он вышел в коридор, прошел к крючкам с одеждой. По пути, проходя мимо кухни, увидел брата. Тот сидел за столом, курил, медленно выдыхая дым. Уже сняв с крючка джинсовку и открыв дверь, Витька услышал:

— И не возвращайся, пока мозги на место не встанут!

На улице Витька похлопал себя по карманам, выругался, сплюнул, повернул налево, пошел в магазин. Купил сигарет, с удовольствием затянулся. Выбросив окурок, вернулся в магазин, купил банку «Джинн-тоника», украл жвачку. Зазвонил мобильник.

— Да!

— Привет, Витек. Ты где там обитаешь? Дело есть. Сможешь подойти? — спросил Миха.

— Смогу. Куда?

— Бермуды. Во дворе.

— Давай. — Витька убрал телефон, дыхнул в кулак. «Бермудами» называли треугольником стоящие девятиэтажки — место встреч местной молодежи.

По другой версии, в «бермудах» этих одно время пропадали девушки, с тех пор и окрестили. Идти до них было добрых полчаса. «Дубак же, мать его. Хоть бегом беги», подумал Витька и пошел скорым шагом, пряча подбородок в шарф. Разбитую руку невозможно было спрятать в карман джинс, сжал в кулак в рукаве куртки. Ветер хлестал нещадно, Витька то и дело прикрывал карие злые глаза, распрямлял и вновь сводил широкие плечи, пытаясь согреться. Не помогало. «И где теперь ночевать? Ну, брательник! Удружил! Что ему нейметя? Найду я эту гребаную работу. Где? Где я ее найду? Надо сейчас с Михой кстати поговорить. Может что подскажет».

В «Бермудах» было шумно. Около двадцати ребят стояли, переминались с ноги на ногу, обсуждали предстоящее. Над их головами клубился морозный воздух и сигаретный дым. Слышались нетрезвые выкрики, резкие осипшие голоса. Миха был самым спокойным. Под два метра ростом и сто килограмм весом, он возвышался над сборищем. Неспешно покуривал неизменный «Captain Black», изредка отходил, прижимая к уху телефонную трубку, возвращался, делал глоток из фляжки с коньяком.

— Не орите, мать вашу! Как в песочнице! — иногда покрикивал. На несколько минут становилось тише.

— Привет, привет, — подошел Витька, протянул руку. От крепкого рукопожатия, сморщился.

— Ты чего? — спросил Миха. — Брат? — уточнил, увидев рану.

— Брат. Чего тут за слет?

— Витек, ты с какой планеты? Про Егора Свиридова знаешь?

— Ну, чурки парня грохнули.

— И пошли гулять-погуливать, баб потрахивать, вискарь поглушивать, — почти пропел Миха. — На Манежке сегодня драка будет, — оборвал сам себя. Я тебе по этому поводу и звонил. Руки нужны. Видишь, кого смог, собрал, но половина через десять минут рухнут. Пойдешь?

— Не вопрос. Есть что выпить? Околел к чертовой матери.

— Держи, — Миха протянул Витьке флягу, это было привилегией — выпить из фляги «главного», как называли здесь Миху. Некоторые посторонились, пригляделись к Витьке, запоминали — «свой».

Когда-то они подрались, обсыпав друг друга песком из песочницы. Тогда разняли матери. Потом была школа, секция борьбы, где и прощупали друг друга, оценили силу один другого и решили, что лучше дружить.

— Когда выдвигаемся?

— Сейчас еще народ подойдет и двинем. С нами Галенька-галчонок идет, — сказал Миха и рассмеялся.

— Да пошел ты! Стерва первостепенная.

— Зато безбашенная. Люблю таких! Что, никак не сдастся крепость неприступная?

— Да я забил уже. Что я ей щенок? Хочу — позову, не хочу — прогоню. Видел ее тут в клубешнике. Нашло на нее что-то, меня звала... к себе...

— И? — улыбался Миха.

— И не и! Не пошел. Обиду кинула. Теперь узнавать перестанет. Надоело.

— Ну, смотри, — начал было Миха, но сменил тон, — впрочем, ты прав. Галка — не Алёнка. За мужика и мизинцем не двинет.

— Где кстати Семен?

— С ней и придет сейчас.

— Угу.

В кармане джинс завибрировал телефон.

— Кого еще несет? — Витька глянул на экран. — О! Мишань, Лера звонит. Алло. Привет-привет. Да ничего особенного, прогуляться тут в одно местечко собираемся. С нами? Ты с кем? Юлька?! Подожди! — прикрывая трубку, обратился к Мише, — Лера с Юлькой с нами хотят.

— Предупреди аккуратненько. Сами пусть думают.

— Лер, прогулка у нас как в кино намечается, только комедии не предвидится. Скорее боевик будет. Так что сами смотрите. Мы от Выхино. Ладно, там и встретимся.

— Пойдут?

— Пойдут.

— Ну и славно. А вот и Семен с кортежем...

Лера долго красилась, выбирала, что надеть, потом критически оглядела Юльку.

— Так, дай-ка я тебя подкрашу, недаром же на визажиста отучилась.

— Не на выставку идем-то, — противилась Юлька.

— Нужно всегда хорошо выглядеть, тем более там Витька будет.

Наконец собрались, вышли. Серая московская зима стыла в воздухе. Неоновые вывески «С Новым 2011 годом!» раздражали глаза. Под ногами хрустели реагенты и то, что осталось ото льда. Юлька ненавидела такие зимы — без снега. Горки, санки, ослепительное солнце, прозрачность сосулек, призрачность снежинок, огромные сугробы, в которые с разбегу... Тогда Юльке было пять. А потом они переехали. А потом ей было шесть, когда она впервые увидела, как мать согнулась от удара в живот. Встала перед отцом, сжала кулачки, сказала «не тронь». А мать с ней за это неделю не разговаривала и лишила конфет, чтобы не лезла в дела взрослых. Сегодня вот пощечину дала за то, что Юлька сказала, либо она из дома уйдет, либо пусть отца приструнит.

У входа в метро подруги остановились. Толпился на автобусных остановках народ, переругивались водители маршруток. Юльке вдруг захотелось уехать отсюда навсегда. Уехать в какой-нибудь маленький городок, выйти замуж, растить ребенка, готовить борщи и тихо радоваться жизни... Их было человек сорок, шли плотно, шумно. Люди отходили в сторону, некоторые интересовались, что за сбор, единицы присоединялись.

— Ого, — Лера улыбнулась, помахала кому-то рукой, — смотри сколько! Я даже не всех знаю, — пригляделась, — а, это Мишкины сотоварищи, из его команды. Ребята, привет! Куда едем-то?

— На Манежку!

— Чурок бить!

— Выселять их на...

— Митинг устраивать!

Юлька совсем растерялась пока ехали от Выхино до Киевской: Лера то и дело с кем-то заговаривала, исчезала и появлялась, подмигивала Юльке, кивая в сторону Витьки, который что-то обсуждал с Михой. «Опять еду неизвестно куда и зачем. Зачем все это? Какие националисты? Что я тут делаю? И Витя... Домой хочу. Нет, не хочу. Бросить все и уехать. Что бросить? Институт? Мать? На что уехать? Господи, ну почему я одна? Ведь совсем одна. По большому счету ни друзей, ни знакомых. Им всем я в принципе безразлична. Сейчас выйду, и никто не вспомнит». Но не вышла. Приехали на нужную станцию. Подземка казалась живой: змеей толпа тянулась на выход. Разноголосье оглушало, и слышалась в нем не обычная московская сутолока, а какая-то общая звуковая эмоция связывала воедино все эти выкрики, разговоры, ниточки фраз. Не протолкнуться. Эскалаторы натужно скрежетали, поднимая сотни и сотни.

Воздух обжег легкие. Замелькали огоньки сигарет. С разных концов множество людей, большей частью молодежь, стягивалось к площади.

Позже в новостях это назовут «акцией», интернет запестрит съемками с телефонов, форумы оживятся, слово «толерантность» станет ругательным. А пока порывы ветра замораживали лица. Губы не слушались, сигареты гасли. От толпы поднимался дым и гул. Площадь колыхалась телами, впуская все новые и новые потоки людей. В основном черные куртки, джинсы. На некоторых лицах маски. Тут и там замелькали лозунги: «Россия для русских», «Кого убьют следующим?» и тому подобное. Над толпой развивался флаг Спартака, за ним из толпы вынырнул флаг национал-большевиков. Недалеко скандировали: «Русские вперед!», выкидывали вперед руку. Напряжение висело в воздухе, готовое прорваться от любого неосторожного движения, слова, взгляда.

— Юль, сейчас что-то будет, — шепотом сказала Лера.

— Будет, — чужим голосом ответила Юлька. Все происходящее начинало представляться ей неким бунтом, сражением, «стрелкой» в масштабах города. Юлька особо не задумывалась о наплыве приезжих, хотя не раз наблюдала в собственном институте как «даги» дают почетный круг вокруг, выставив из машин свои флаги, включив свою музыку. Она знала, что выходцы с Кавказа часто ходят с оружием, слышала о нескольких драках, происходивших между студентами. Юлька никогда не общалась с кавказцами, ей не нравилось, что они ведут себя как хозяева в ее же стране, но все это было как-то неглубоко, на уровне общего недовольства. Ее лично не касалось, не задевало. Сейчас, смотря на все это, стоя в самом эпицентре, слыша призывы, видя плакаты, она почувствовала, как возникла в ней из ниоткуда злоба, она сама почти кричала «Москва без чурок», она сливалась с каждым, кто был

на площади против, кто устал ждать действий властей. В голове вдруг мелькнуло «революция» и стало все просто и ясно.

Рядом стоящий Миха улыбался, и Юльке становилось весело и жутко одновременно от этой улыбки. Она поискала глазами Витьку, он в шаге от них наматывал на руку шарф. Вдруг поднял на нее глаза, подмигнул и исчез в толпе. Как все началось, Юлька не поняла. Сразу оказалась среди дерущихся. Кто-то разбил ей нос, брызнула кровь. В ней в этот момент что-то щелкнуло, перетряхнуло внутренности, толкнулось в сердце, и Юлька отпустила себя. Она почувствовала животное желание драться, она четко поняла, что здесь все только за этим и собрались, всем этим людям была нужна кровь, своя и чужая. И ей тоже. Она махала руками, почти рычала, каблук сапога, она почувствовала, вошел во что-то мягкое, не было времени посмотреть. Волосы растрепались, она почти ничего не видела, но кулаки находили мишень. Она дралась за себя, за свой город, за мать, согнувшуюся от удара в живот... Что-то сломалось в ней здесь, на площади и что-то родилось. Рождалось, когда она ломала ногти о чью-то задубевшую на морозе кожаную куртку, когда сдирала кожу на руках о чьи-то молнии и зубы, когда чувствовала чужой кулак на своем лице, ловила невероятно сладкий воздух сбитыми ударом легкими, выплевывала свои зубы на грязный снег, давилась соленой кровью, когда на негнущихся уже ногах поднималась и лезла в самую, как ей казалось, гущу драки. Никогда раньше Юлька в драках не участвовала. Один раз, еще в детском саду, схватила за вихры мальчика за то, что тот облил ее, но их быстро разняли. Здесь было по-другому. Никто никого не разнимал. Омоновцы не могли к ним пробраться, в них летели куски льда и бутылки. А если и добирались до кого, пускали в ход дубинки. И неизвестно, что лучше: дубинки или кулаки. Юлька была в этом месиве несколько минут, ей показалось часы. Чей-то удар свалил ее с ног, она вставала, снова падала. От еще одного мощного удара в голову потеряла сознание. Она не помнила дальше почти ничего, только всплывал в памяти испачканный ее кровью воротник Витькиной меховой джинсовки, который она видела, приходя в себя от боли, когда его рука слишком сильно давила на ребра. Иногда он что-то говорил ей. Она не разбирала слов, улавливала только звуки, как сквозь вату пробивался голос Леры где-то рядом, но Юлька не могла повернуть голову. Обвисая в Витькиных руках, она так хотела сказать ему, как он ей дорог, и не могла, и плакала от этого.

Подвал был оборудован под спортзал: снаряды, гири, тренажеры — все старое, чинённое не один раз. Сейчас на всех этих принадлежностях сидели люди.

— Ну, братва, кого не досчитываемся? — спросил Миха. Сегодня он не улыбался и не шутил, был хмурый, серьезный, явно чем-то недовольный.

— Костя с переломом, Ласточка дома, встать не может, Колян с братом в мусарне...

— Плохо, плохо! Мы потеряли пятнадцать человек из сорока. Плохо! Я тут думал про нас, про всё это — надо к кому-то прибиваться. Объясняю почему. Во-первых,

нас мало. Во-вторых, я во все это влез не ради того, чтобы тупо кулаками махать. Я хочу действия, не только физического. То есть нужна некая программа. Нужны выходы на другие уровни. Мы — шпана. А я для себя вижу борьбу с засильем черных делом. Дела же только силой не делаются. Ум нужен для дел. В-третьих, чем больше нас будет, тем быстрее все начнется. Вы как? Сейчас не надо отвечать. Каждый должен обдумать мои слова. Готов с каждым говорить отдельно. Через неделю вернемся к этому.

Раздались нестройные выкрики согласия, поползли шепотки, полетели взгляды. Через полчаса все разошлись. Остались Миха и Витька.

— Что думаешь?

— Куда это приведет?

— Хороший вопрос. Но если никто ничего не будет делать, не будет и изменений. Наше правительство давно на нас забило, поэтому пускают всех. Им это выгодно. Ты, например, знаешь, что по статье за разжигание межрасовой вражды сидят в основном русские? Понимаешь, если я бью — я агрессор, а если он бьет — он защищается. Толерантность, мать ее. Сейчас единственный выход — это драка, потому что на уровне чиновников сделать ничего не возможно. ФМС не работает, менты — сам знаешь. Они живут в русскоговорящей стране и не знаю языка. Совсем! Платят на четвертом курсе института преподам, чтобы те учили их русскому. Ты только вдумайся — на четвертом курсе! Но при этом держат все магазины, бары, стоянки. И все это очень давно происходит. Теперь недолго ждать осталось — терпение кончится и в итоге все пойдут против: не только нацболы, но и обычные мужики, матери малолетних детей, сами дети. Когда я учился в школе, у нас один чурка на весь класс был, и тот не борзый. А сейчас брат мой учится, у них в классе русских меньше, чем их. Или вон Юлька рассказывала: у них в инсте учатся даги, так они разъезжают на джипах, и прежде чем домой свалить, включают какую-то свою национальную хрень и три круга вокруг инста дают, флажки из окон вывешивают. Показывают, что они хозяева. Я не хочу, чтобы мои дети учились с чурками. А ты?

— Да знаешь так вроде живешь, ходишь с ними рядом, бесят конечно, но какое-то бессилие чувствуешь. Если наше же правительство против нас...

— Правительство это не народ. А сила нашего народа в злости, только нас очень сложно разозлить. Мы единственные в истории, кто столько лет, веков находился под чужой нацией и молчали. Я про татарское иго говорю. Да что там — вторая мировая, например. Пока бомбы не полетели, верили в договоренность, в обещание не нападать. Бред. А еще страшно, что мы их пускаем и молчим, а туда приедь, на следующий день, если не закопают, свалишь. Потом — они всегда в стае, а мы в собственной семье врагов находим.

— Да, это точно. Вот я с братом подрался из-за того, что работать не иду. Но ведь и денег я у него не беру, ничего не прошу. А он даже не спросил, почему я не работаю? А я пытался. Только листовки раздавать, или в Ашане банки расставлять я не буду. А кто меня возьмет на другую работу?

— А что ты умеешь-то? Девять классов образования.

— Девять, Миха. Верно. Пулягу я сам бросил. А в институт не прошел, а на платное отделение — денег нет. Мать всю жизнь на своем заводе над станком простояла, ослепла совсем, а ей пенсию дали в пять тысяч, нормально? А отца я последний раз десять лет назад видел. Фраер, мать его. Все на брате осталось, когда мать умерла. Я, конечно, понимаю, что ему нелегко было. Но что делать-то? Он сам в автосервисе этом три рубля зарабатывает, спину уже застудил, теперь как дождь, всю ночь шарится, не знает, куда от болей деваться. Я ему говорил, устрой меня к себе. Не хочет. Я, говорит, за тебя ответственность нести не буду. Сам ищи. Вот тебе и семья.

— Кстати, Витек, пойдешь ко мне в бригаду на газовую? Паренек у меня сейчас увольняться думает, жена беременна, денег больше надо. Вместо него пойдешь?

— Спрашиваешь, — улыбнулся Витька.

Дверь открылась, порыв ветра всколыхнул сигаретную дымку. В пару появился Семен. Поздоровались.

— Присаживайся, рассказывай, что так поздно.

— Парни, свадьба у меня скоро, — сказал Семен, жадно закурил, провел по узкому лицу музыкальной, но жилистой рукой.

— Это приглашение или так — констатация, — развеселился Миха.

— Это знаешь, что, Миша? Это... это, — еще одна нервная глубокая затяжка.

— Да что с тобой?

— Драка эта... Аленка беременная... и в этом во всем, — Семен судорожно сглотнул.

— Когда сказала?

— Сегодня.

— Тогда знала?

— Нет.

— Как она после? Синяки, ушибы? — спрашивал Миха.

— Говорит, что только по ноге попали и в голову. Коленка опухла. Завтра на узи.

— Говорит, значит так и есть. Значит, все нормально.

— Миш, ты понимаешь, что если ненормально, я никогда себе этого не прощу? — спросил и глаза опустил: мужчины не плачут, плачут только отцы.

— Не зови беду, она отзывчивая. Завтра убедишься, что все в порядке.

— Ребят, а вы заметили, сколько наших девчонок с нами было? — спросил Витя. — Их же много пошло. Мно-го. Юлька, например, вообще же домашняя девочка, и вот...

— Что кстати с Юлькой? Я прям не ожидал от нее — как кошка дралась.

— В больнице. По-моему у нее все отбито. Но вроде без осложнений. Я ее отвез, Лера матери позвонила. Я ушел, не хотел ей на глаза попадаться.

— Навестить ее надо на днях.

— Завтра с Леркой ходим.

— А Лера как?

— Синяком отделалась и сломанными ногтями, — усмехнулся Витя. — Лера — она везучая.

Юлька видела трещины вокруг себя. Они ширились, готовые поглотить пространство. Они открывали белесую пустоту. Юлька нырнула в нее и приоткрыла глаза. Вспомнилась картинка: ее плеер выпал из кармана, чья-то подошва разбила экран, по которому пошли трещины. Юлька повернула голову, увидела мать. Та сидела со скорбным лицом, смотрела в окно. Взглянула на Юльку. Сначала легкий вздох облегчения сорвался было с ее губ, но через секунду выражение лица с радостного сменилось на обиженное, жалкое, лицо сморщилось, стало плаксивым.

— Юля, что ты делаешь? Что ты делаешь? — запричитала мать, утыкаясь лицом в свои ладони.

Юлька попыталась ответить, но тут же скривилась — засохшие на губах ранки треснули, зубы окрасились в красный.

Что делаешь? Можно было объяснить случайностью то, что произошло. Но Юлька не верила в случайности. Она подумала, что оказалась на Манежке не просто, оказалась, чтобы понять что-то важное. Но сейчас мысли путались и понятное душой не складывалось в слова. Она знала только, что теперь все по-другому.

— Мам, — с трудом, сипя, проговорила Юлька, — мам, не плачь. Иди домой. Я в порядке.

— Да в каком порядке? Боже мой, доченька моя, как же ты там? Зачем? — зарыдала, забилась возле руки с капельницей.

— Не плачь. Говорить тяжело. Хватит. Все хорошо. Нас много, — на последних словах Юлька снова уснула.

Прошло две недели прежде, чем Юльку выписали. За это время она о многом успела передумать. Бессонными от пересыпа ночами выбиралась она на лестничную курилку и просиживала там по полночи. После драки множество вопросов, которые она себе раньше даже не задавала, вдруг получили решение. Например, свое обучение на экономиста она воспринимала как некую неизбежность, необходимую, чтобы всегда иметь работу. Теперь же твердо решила перевестись на факультет журналистики: ее статьи на финансовую тематику печатали даже в экономических журналах, но теперь это казалось скучным и ненужным, не об этом она теперь хотела говорить. А ещё её всегда раздражали сокурсники: большинство мальчишки-мажоры, будущие банковские клерки, а девочки — потенциальные секретарши, это те, у кого ноги подлинней, или бухгалтерши в очках, это те, что посерее. У Юльки и друзей-то на курсе не было, зато знакомых студентов с журфака — почти все. И как раньше до такой простой вещи, как перевод, она не додумалась, удивлялась Юлька. Витька? С ним тоже теперь все казалось ясным — сказать и все: да так да, нет так нет. От безответной любви не умирают: времена Джульетт кончились. Друзья? Увидеть сейчас всех тех, кого она считала чужой компанией, с кем общалась лишь из-за своих чувств к Витьке, да и от скуки, наверное, сейчас она была бы искренне рада. Эти люди стали ей ближе, потому что она поняла их. Мама? Что делать

с отношениями в семье осталось не совсем решенным в Юлькиной посветлевшей голове. С одной стороны, родители — два взрослых человека, сами должны уметь разбираться, но, с другой, Юльке-то со стороны видней, что мать себя в жертву чему-то приносит, видимости благополучия, чтобы люди не говорили... Бред какой-то. Какие люди, когда тебя бьют? Юлька такое поведение объясняла себе советским воспитанием матери: ведь тогда было стыдно развестись.

Вышла из больницы Юлька радостной, лёгкой. Солнце яркое, снег выпал и блестит. И так хорошо дышать! Шла по больничному двору, улыбалась, напевала любимое из «Пикника»: «У шамана три руки и крыло из-за плеча...».

Дома никого не было, Юлька с удовольствием приняла душ, перестирала вещи, избавляясь от больничного запаха, села писать заявление на перевод, потом до вечера штудировала сайты работ: Юльке хотелось быть занятой все время. Пришла мать, обняла Юльку, будто год не видела.

— Я торт купила в честь твоей выписки.

— Отлично. Ставлю чайник.

Сели друг напротив друга: непохожие ничем. Дочь невысокая, лицо почти круглое, глаза большие широко расставленные, настолько ярко-зеленые, что многие спрашивали: не линзы ли, волосы прямые светло-русые. Мать высокого роста, черты лица тонкие, неяркие, глаза кошачьи, карие, волна густых темных волос крепко схвачена заколкой — мешают, когда наклоняется над бесконечными бухгалтерскими бумажками.

— Как чувствуешь себя? — спросила мать.

— Нормально, ничего не болит, синяки, как видишь, прошли, — улыбнулась Юлька.

— Юля, мне нужно тебе сказать что-то.

— Говори, — Юлька спокойно отломил кусочек торта, положила в рот.

— От нас папа ушел, — сказала и вглядывается в Юлькино лицо, ищет чего-то. Слез?

— Когда? Он мне звонил сегодня, интересовался, когда выпишут, ничего не сказал про это, — ответила, прожевав. Ни намека на слезы.

— В прошлую пятницу вещи собрал и ушел. Просил тебе пока ничего не говорить. Волновался за тебя.

— Зря. Мне двадцать два года почти, я не буду плакать по папочке.

— Я почему-то думала, что ты хотя бы удивишься.

— Мам, я удивляюсь тому, что ты об этом так спокойно говоришь. Ты как? — отставила в сторону чашку, взяла мать за руку, прижала ее к своей щеке.

— Знаешь, — провела рукой по лицу дочери, как будто слепая, — я даже рада в каком-то смысле. Ты всегда ругала меня, что я ничего не делаю, когда отец руку... ведет себя грубо, а я ведь хотела, просто не могла... Не знаю, как это объяснить.

— Мам, я люблю тебя. Все будет хорошо. — Юлька встала, обняла мать, зарылась пальцами в волосы.

В этот момент дом погрузился в темноту: отключили свет, а мать с дочерью так и остались, обнявшись, забыв про недопитый чай, не зажигая свечей.

Миха сидел наедине с бутылкой коньяка и нарезанным тонкими дольками лимоном. Сигаретный дым висел туманом над его головой. Все рушилось. Он остался с тем, с чего начинал пять лет назад: десяток проверенных ребят, смутные перспективы, неясное будущее. Он и не думал, что первая серьезная стачка выкосит ряды его бойцов столь частой косой. Парни, которых он набирал все это время, которых тренировал, оказались сильны только в подворотне при очередных рейдах по району.

— Семён, Семён... Вот кого точно не будет хватать. — Миха задумался, вспомнил: вчера звонила Алёнка, сказала, что ждет его на свадьбу, он что-то отвечал, а еще сказала она, что они с Семёном команду не бросят. Не очень верил в это Миха, но Алёнку знал хорошо, была она из тех, о ком говорят «свой пацан», из тех, кто просто так никогда не говорит. Вспомнил её Миха и улыбнулся: маленькая, короткостриженная, лицо узкое, а глаза огромные, и вся она такая живая, куда-то стремящаяся, юркая, как ящерица... — Так, хватит хандру разводить. Подводим итоги, — Миха придвинул к себе список фамилий, — в принципе это еще не конец. В нашем полку прибыло... раз, два... одиннадцать довольно неплохих ребят. Проверены железно. Двое — имеют выходы на НП, обещали помочь. Хорошо. Ждём. Братья Клёновы вложатся в спортзал. Тоже хорошо. Хо-ро-шо.

Хорошего, правда, было мало. Жаль было потраченных впустую сил, жаль бессонных ночей, проведенных за разговорами. И можно, конечно, долго рассуждать на тему зерна, упавшего в благодатную почву, которое когда-то взойдет, но результат хотелось видеть сейчас. Не получалось.

В дверь раздался условный стук. Миха открыл. На пороге стояли Витька с Юлькой.

— Какими судьбами на мой одинокий огонек-огонёчек заглянули? — пытаюсь казаться веселым, спросил Миха.

— Да так погреться зашли. Телефон вне доступа, тебя вторые сутки никто не видел. Я подумал, что ты можешь только тут быть, — ответил Витька.

— Правильно подумал. Юля, как сама?

— Нормально, — улыбнулась Юлька, стряхивая снег с воротника.

— Должен тебе сказать: ты была прекрасна в тот роковой день нашего поражения.

— Не паясничай. Миш, у меня тут статью одну взять хотят в определенный журнал. Посмотришь?

— Ты вроде циферки считала, а теперь уж за перо взялась? Зубки отрасли? — шутил Миха, а сам быстро пробежал глазами строки. — Юля, а в какой журнал это, — потряс листками, — хотят взять?

— Миш, так получилось, что я перешла на журфак, а там много знакомых у меня и один из них иногда пишет для Другой России. Вот он мне и..., — договорить Юлька не успела: Миха схватил её в охапку и закурил.

— Витька срочно наливай коньяк! Там осталось еще чуть-чуть. Я тут решил всё

похоронить, а она, — Миха поставил Юльку перед снарядом, служившим столом, — оживила, так сказать, труп.

Они шли под падающим пушистым снегом, молчали. Впереди многое ждало: борьба и поражения, разлуки и встречи, боль и радость. Все это жило предчувствием в каждом из них, тревожило и звало. Неумолимо звало дальше. И еще где-то в душе ютился мелкий противный страх: хватит ли сил? Юлька верила, что хватит, она в себе силу эту неизвестно откуда там, на Манежке взявшуюся, чувствовала каждое мгновение, будто кто-то в том месиве встал за спиной её, обнял то ли крыльями, то ли лапами и слился со всем существом её. И стала она с того момента не одна. А Витька думал, что сил хватит, потому что сила в крови — бурлящей, неугомонной, кричащей о себе, властно приказывающей ему встать и идти.

А если не хватит? — шипел подленький страх. Значит мы — те, кто упадет, чтобы по нашим следам было легче идти следующим. А если их, следующих, не будет? — сипел он. Они уже есть. По крайней мере, один — тот, кто еще даже не родился, но уже есть.